

Секция «Внешняя политика современных государств в условиях формирования новых центров силы»

Столкновение великих держав в Южно-Китайском море в современных условиях гибридизации конфликтов

Научный руководитель – Манойло Андрей Викторович

Гончаренко Анна Романовна

Студент (магистр)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Факультет политологии, Кафедра российской политики, Москва, Россия

E-mail: annagoncharenko3@yandex.ru

Стремление Соединенных Штатов сохранить ведущую роль в международных делах объясняет их присутствие в Индо-Тихоокеанском регионе и пристальное внимание к региону, где сосредоточена мировая торговля и располагается основной конкурент – Китайская Народная Республика. Морским транспортом осуществляется более 80% объема международной торговли товарами. По данным UNCTAD, восемь из десяти крупнейших портов мира также расположены здесь, пять из них – в Китае [1, р. 94]. Еще в 2016 году сообщалось о том, что Южно-Китайское море является основным торговым маршрутом для сырой нефти в мире [2]. Южно-Китайское море – один из самых загруженных в мире морских путей, который влияет на состояние международной экономической системы.

Для более полного понимания ситуации разделим основных действующих в Южно-Китайском море акторов на несколько групп:

– Расположенные в этом регионе государства, безопасность которых напрямую зависит от обстановки в море, готовые отстаивать свои интересы здесь: Китайская Народная Республика с Тайванем, Вьетнам, Малайзия, Бруней, Филиппины, Индонезия, Сингапур.

– Близкие соседи, претендующие на значимые роли в Индо-Тихоокеанском регионе, и их союзники, заинтересованные в продвижении собственных интересов: Республика Корея, Япония, Австралия, Индия, США.

– Государства, расположенные значительно дальше, но имеющие амбиции и интересы в регионе: Германия, Франция, Великобритания.

О том, что США решительно настроены противостоять растущей силе КНР в регионе свидетельствуют не только заявления политиков, но и официальные документы. В разработанных еще при Дональде Трампе «Контурах стратегии США для Индо-Тихоокеанского региона» прямо говорится о том, что американская безопасность и благосостояние зависят от свободного доступа к Индо-Тихоокеанскому региону [3]. НАТО воспринимает политику Китая как угрожающую сложившемуся миропорядку [4, р. 99]. Таким образом, основными игроками здесь являются КНР и США, привлекающие на свою сторону более медкие и слабые государства, однако большинство из них старается балансировать, получая выгоду от обеих стран.

В Южно-Китайском море расположены архипелаги Спратли и Парацельс, включающие в себя островки и рифы. Китай контролирует значительное количество таких объектов, однако 9-пунктирная линия утверждает претензии на все острова в Южно-Китайском море [5, р. 45]. Профессор Военно-морского колледжа США Питер Даттон считает, что сложившейся напряженности в ЮКМ между США и КНР предшествовали несколько инцидентов: в 2007 году Китай оказал давление на Вьетнам и ряд нефтяных компаний (американских в том числе), занимавшихся нефтяной разведкой и добычей у берегов Вьетнама, в связи с чем работы пришлось приостановить; в 2009 году американское военноморское исследовательское судно, находившееся вблизи острова Хайнань, было вытеснено из района

ЮКМ силами ВМС НОАК, морской полиции и морского ополчения. Штаты восприняли такое поведение как препятствование свободе судоходства и нарушение норм международного права, несмотря на то, что позднее выяснилось, что судно занималось шпионажем [6]. С точки зрения Китая, деятельность в его суверенных водах требует получения разрешения правительства КНР, чего американцы не сделали, поэтому действия китайского флота были законными. Военная мощь Китая растет год от года, он улучшает численность и качество своих обычных вооруженных сил быстрее, чем США и европейские державы, а с 2007 года отмечается заметный скачок числа подводных лодок, эсминцев и фрегатов [7, р. 58]. Данная тенденция напрямую влияет на ставшее более резким поведение Китая: появились возможности обозначить свои претензии и продемонстрировать решительность.

Активность США и их союзников в области гибридных технологий объясняется тем, что Китай и Россия ведет гибридную деятельность, заявлено в ежегодном отчете генерального секретаря НАТО [4, р. 34]. Если такие обвинения в адрес нашей страны стали привычными, то действия КНР ранее характеризовались менее радикально. Шаги Китая по закреплению своих территориальных претензий в Южно-Китайском море описывались как деятельность в серой зоне: ревизионистское государство осуществляет подрывную деятельность ниже порога войны, угрожая мировому порядку [8, pp. 19-29], как «низкоинтенсивные и малорисковые» испытания, «направленные на оценку силы и воли противостоящего государства для поддержания безопасности и влияния в регионе» [9, р. 66]. Но Китай увеличивает свое присутствие в регионе ЮКМ за счет создания и использования военно-гражданской системы управления сухопутными и морскими силами, тем самым применяя гибридные инструменты на практике: сеть подводных кабелей, мелиорация земель в районе островов Спратли, использование экономической уязвимости и зависимости имеющих интересы в регионе стран, кибератаки, патрулирование вод морским ополчением (РАФММ, «синими человечками») [10, pp. 261–276]. В качестве способов противодействия установления китаецентрического порядка в регионе исследователи Центра стратегических и международных исследований предлагают США следующие меры, которые фактически носят гибридный характер: вовлечение стран региона в международный диалог на достойных условиях с учетом их интересов, проблем и исторических особенностей; поддержка НКО и СМИ, чтобы они могли освещать вмешательства Китая в страны региона; развитие разведывательной инфраструктуры в Индо-Тихоокеанском регионе; укрепление кибербезопасности; мониторинг обстановки на спорных территориях; проведение символически важных мероприятий (визитов на высшем уровне, обменов); предоставление гуманитарной помощи и проведение спасательных операций при катастрофах; поддержка соперников Китая и беспокоящихся об обстановке в регионе политическими, экономическими и военными средствами [7, р. 19]. Корпорация RAND предлагает набор мер, также соответствующих гибридной войне: смягчение международных санкции в отношении агрессивных негосударственных субъектов, противостоящих Китаю, контроль существующих СМИ (напрямую или через доверенных лиц), использование дипломатических или политических угроз, чтобы нарушить нормальную деловую активность в пределах региона, спонсирование политических лидеров, партий, организаций, которые будут действовать от лица Китая (фактически купленная оппозиция, действующая по указаниям своих спонсоров) [11, р. 7].

Гибридная война становится характерной формой конфликта в новой реальности, а гибридные технологии реализуются обеими соперничающими за влияние в Южно-Китайском море и Индо-Тихоокеанском регионе державами. Технологии невоенной борьбы (экономические санкции и блокады, информационное и психологическое воздействие на граждан посредством манипулирования СМИ, искажение исторических фактов, кибератаки, давление на международные институты и пр.) отработаны США годами, поэтому

гибридный характер деятельности Китая по усилению своих позиций в регионе не нов и не исключителен, а закономерен и объясним.

Источники и литература

- 1) UNCTAD Review of maritime transport 2021. Geneva: United Nations, 2021. 177 p.
- 2) U.S. Energy Information Administration: <https://www.eia.gov/todayinenergy/detail.php?id=36952>.
- 3) The White House: <https://trumpwhitehouse.archives.gov/wp-content/uploads/2021/01/IPS-Final-Declass.pdf>.
- 4) Stoltenberg J. The Secretary General's Annual Report 2021. Brussels: NATO Graphics & Printing, 2022. 154 p.
- 5) Dutton P. Three disputes and three objectives: China and the South China Sea // Naval War College Review. 2011. V. 64. №. 4. Pp. 42-67.
- 6) Коммерсант: <https://www.kommersant.ru/doc/1136724>.
- 7) Cordesman A. H., Hwang G. NATO and the Ukraine: Reshaping NATO to Meet the Russian and Chinese Challenge. Washington: Center for Strategic and International Studies, 2022. 62 p.
- 8) Stoker D. Whiteside C. Gray-Zone Conflict and Hybrid War—Two Failures of American Strategic Thinking // Naval War College Review. 2020. V. 73. № 1. Pp. 19-54.
- 9) Grygiel J. J., Mitchell A. W. The Unquiet Frontier: Rising Rivals, Vulnerable Allies and the Crisis of American Power. Princeton: Princeton University Press, 2017. 240 p.
- 10) Küçüksolak Ö. K. The “New Normal” in China’s Assertive Power Projection in the South China Sea: Maritime Hybrid Threats // Siyasal: Journal of Political Sciences. V. 30. № 2. Pp. 261-276.
- 11) Lin B., Garafola C. L., McClintock B., Blank J., Hornung J. W., Schwindt K., Moroney J. D. P., Orner P., Borrman D., Denton S. W., Chambers J. A New Framework for Understanding and Countering China’s Gray Zone Tactics. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2022. 8 p.